

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Еще не во всех социально-экономических вузах представители враждебной идеологии сошли с университетских кафедр и не всюду прегражден им путь к использованию советской печати. Нельзя недооценивать значения опасности со стороны врага, который не останавливается ни перед какими препятствиями, чтобы протащить свою идеологию. В особенности эта опасность велика в провинциальных вузах, где до сих пор, за недостатком марксистских сил, кафедры иногда заняты чуждой нам профессурой.

Один из излюбленных методов маскировки—переодевание в советские одежды. Цель оправдывает средства и враг не останавливается даже перед таким цинизмом, как переодевание покойников—своих бывших единомышленников.

Предлагаемые очерки преследуют цель—разоблачить вредительские приемы врага и показать их в своей контрреволюционной наготе.!

Наш доклад на эту же тему, прочитанный в ячейке общества воиствующих материалистов-диалектиков в Ленинградском государственном университете, вызвал оживленные прения по вопросу о том, не является ли такое внимание к возможному влиянию буржуазной идеологии уже пройденным этапом, не изжито ли оно вовсе и, следовательно, не сдано ли оно уже совсем в мусорный ящик истории. Прения показали, что в студенческой среде имеются типичные явления недооценки правой опасности в области идеологии,—недооценки, особенно недопустимой в нынешний период обострения классовой борьбы.

Марксистская литература и на других участках идеологического фронта также сигнализирует о непрекращающемся еще влиянии буржуазной идеологии, для преодоления которой далеко недостаточно одного лишь классового чутья, как бы многим ни казалось, что классовый инстинкт пролетария способен всецело уничтожить отравляющую силу яда буржуазной идеологии, преподносимого для восприятия его под разными соусами. В особенности, борьба с враждебной идеологией встречает затруднения, когда представители ее находят поддержку в правооппортунистических элементах нашей партии. В приводимых эпизодах обращает на себя внимание встречающийся процесс замены буржуазной профессуры квази-марксистской, которая на деле выполняет ее же роль.

Только непримиримая идеологическая борьба с правыми и „левыми“ и беспощадное разоблачение сущности квази-марксистских теорий способны вскрыть, как „третий радующийся“ приобретает союзников в лице квази-марксистов, которые охотно и самоотверженно выполняют его социальный заказ.

Те эпизоды и материалы, которыми это положение иллюстрируется, относятся к различным стадиям борьбы — от той, когда буржуазная профессура самостоятельно, без посредников, проводила свою идеологию и боролась за нее, прибегая к самым разнообразным ухищрениям и используя всяческие лазейки легальности как с трибуны, так и в печати, до той стадии, когда ее роль политически заняли квази-марксисты под непосредственным правооппортунистическим руководством и покровительством.

На новом этапе социалистического строительства огромные успехи рабочего класса, его железная настойчивость и стремление к победе доказали бесплодность ставки врагов как на интервенцию, так и на вредительство и на перерождение советской власти.

Тов. Сталин в своей речи на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. („Правда“ от 5 июля) подчеркнул необходимость четкого перелома в отношении к старой технической интеллигенции. „Новая обстановка, сказал т. Сталин, должна была создать и действительно создала новые настроения среди старой технической интеллигенции. Этим, собственно, и объясняется тот факт, что мы имеем определенные признаки поворота известной части этой интеллигенции, ранее сочувствовавшей вредителям, в сторону советской власти...¹ Из этого следует, что сообразно с этим должна измениться и наша политика в отношении старой технической интеллигенции... Было бы неправильно и недиалектично продолжать старую политику при новых, изменившихся условиях. Было бы глупо и неразумно рассматривать теперь, чуть ли не каждого специалиста и инженера старой школы, как не пойманного преступника и вредителя. „Спецеество“ всегда считалось и остается у нас вредным и позорным явлением“

Постановление Президиума ВЦИК о награждении авиазавода № 39 за исключительные достижения по самолетостроению гражданской авиации („Правда“ от 10 июля) представляет собой акт практического применения линии партии в отношении тех вредителей, которые начали работать „в ряде фабрик и заводов заодно с рабочим классом“ (Сталин). Тоже представляет постановление „амнистировать всех инженеров и техников, приговоренных ОГПУ к различным мерам социаль-

¹ Везде в тексте этой работы, где специально не оговорено, разрядка наша. — И. С.

ной защиты за вредительство и ныне добросовестно работающих в центральном конструкторском бюро“.

В той же речи на совещании хозяйственников тов. Сталин отметил, что „это не значит, конечно, что у нас нет больше вредителей. Нет не значит. Вредители есть и будут, пока есть у нас классы, пока имеется капиталистическое окружение. Но это значит, что коль скоро значительная часть старой технической интеллигенции, так или иначе сочувствовавшей ранее вредителям, повернула теперь в сторону советской власти,—активных вредителей осталось небольшое количество, они изолированы и они должны будут уйти до поры до времени в глубокое подполье“. И с ними попрежнему будет продолжаться самая непримиримая борьба.

Для вредителей на идеологическом фронте из состава не технической интеллигенции, которые отказались от своей подрывной работы, возможность принести непосредственную пользу рабочему классу теснейшим образом связана с коренной ломкой враждебного нам мировоззрения.

Акты искреннего поворота должны поэтому сопровождаться открытым, категорическим и полным идеологическим разоружением. Но этого недостаточно. Полный и безоговорочный идеологический разрыв с единомышленниками в Советском союзе и за границей имеет свое объективное значение лишь при условии одновременно развернутой беспощадной критики, как своих прежних взглядов, так и взглядов своих единомышленников, а также при условии самого энергичного участия в социалистическом строительстве.

Нам нужно суровой критикой и разоблачениями заставить их—либо сделать решительный шаг, порвать с прошлым, осудить его и принять деятельное участие в социалистическом строительстве, либо оставаться открытыми непримиримыми врагами. Вредители на идеологическом фронте должны знать, что всякие попытки заниматься заигрыванием с советской общественностью, „подкупать“ ее мелочишками и сознательно вводить ее в заблуждение, сохраняя свое враждебное мировоззрение—заранее обречены на полный крах и никого обмануть не в состоянии.

ВРЕДИТЕЛЬСТВО НА ФРОНТЕ СОВЕТСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА.

I

„Вредительство буржуазной интеллигенции есть одна из самых опасных форм сопротивления против развивающегося социализма“.

(И. Сталин. „О правом уклоне в ВКП(б)“¹

Чем напряженнее и острее классовая борьба пролетариата против буржуазии, тем тщательнее становится политическая маскировка противника, чтобы под ее прикрытием можно было дольше держать под своей классовой гегемонией наиболее отсталые, неорганизованные и колеблющиеся слои мелкой буржуазии. Чем труднее для буржуазии удержать свое влияние в непролетарских слоях трудящихся, тем изобретательнее она становится в поисках защитного цвета, который позволил бы ей использовать в максимальной степени свои силы для нанесения сокрушительного удара неприятелю.

Ленин в своей статье „Исторические судьбы учения К. Маркса“², касаясь периода 1872—1904 гг., отмечает, что „диалектика истории такова, что теоретическая победа марксизма заставляет врагов его переодеваться марксистами“. Эту мысль он развил подробнее в своей работе „Государство и революция“. Так, первая глава („Классовое общество и государство“) начинается следующими словами:

„С учением Маркса происходит теперь то, что не раз бывало в истории с учениями революционных мыслителей и вождей угнетенных классов в их борьбе за освобождение. Угнетающие классы при жизни великих революционеров платили им постоянными преследованиями, встречали их учение самой дикой злобой, самой бешеной ненавистью, самым бесшабашным походом лжи и клеветы. После их смерти делаются попытки превратить их в безвредные иконы, так сказать, канонизировать их, предоставить известную славу их имени для „утешения“ угнетенных классов и для одурачения их, выхолащивая содержание революционного учения,

¹ Из речи на пленуме ЦК ВКП(б) в апреле 1929 г. „Большевик“, № 23—24, стр. 17.

² „Правда“, № 50 (254)—1 марта 1913 г. Ленин, т. XII гл. II, стр. 44.

притупляя его революционное острие, опошляя его. На такой „обработке“ марксизма сходятся сейчас буржуазия и оппортунисты внутри рабочего движения. Забывают, оттирают, искажают революционную сторону учения, его революционную душу. Выдвигают на первый план, прославляют то, что приемлемо или что кажется приемлемым для буржуазии. Все социал-шовинисты нынче „марксисты“—не шутите! И все чаще немецкие буржуазные ученые, вчерашние специалисты по истреблению марксизма, говорят о „национально-немецком“ Марксе, который будто бы воспитал так великолепно организованные для ведения грабительской войны союзы рабочих“¹.

В российских условиях при царизме ревизионизм и подкрашивание под марксизм (Струве, Туган-Барановский и др.) вначале не приняли столь пиничных форм, как на Западе, так как буржуазия, несмотря на свою оппозиционную роль по отношению к царизму, все же слишком дорожила блоком с помещиками и предпочитала надежную охрану жандарма и земского начальника систематической и упорной борьбе за укрепление реформизма в России. Тут резко сказалось различие в обстановке классовой борьбы на Западе, особенно в Германии, где уже давно сложилось рабочее движение. Период весны и лета 1917 г. после февральской революции сопровождался таким быстрым темпом классового размежевания в стране, и буржуазия оказалась к осени достаточно изолированной, чтобы не быть в состоянии применить новые формы классовой борьбы и перенести с успехом на родную почву достижения своих зарубежных союзников. А там наступила открытая гражданская война, когда буржуазии так и не удалось широко использовать западно-европейский опыт, несмотря на помощь со стороны русских меньшевиков и эсеров.

Таким образом, за весь истекший период диктатуры пролетариата в СССР буржуазия, в лице своих идеологов, отчаявшись, наконец, в попытках непосредственного свержения советской власти, не могла с успехом переодеваться в марксистские одежды, так как пролетариат после Октября 1917 года не поверил бы этому маскараду.

Вот почему агенты буржуазии в Советском союзе избирают иную тактику, в соответствии с уроками прошлой борьбы и с условиями эпохи и места. Впредь „до лучших времен“ они ограничиваются тем, что переодеваются в ложные советские одежды, проникают на идеологический фронт в качестве „благонамереннейших“ комментаторов наших экономических и хозяйственных мероприятий, нашего законодательства и в роли „дружественных“ советчиков нашей власти. На занятых позициях они в организованном порядке ведут свою вредительскую подрывную работу, протаскивают контрабандой свою неприимимую враждебную идеологию, чтобы всевозможными средствами и в самых причудливых формах прививать ее бациллы в доступных областях.

¹ Ленин, т. XIV, ч. II, стр. 299. Разрядка в тексте.

Осуществление классовым врагом подобной подрывной работы в области экономических наук представляется для него делом особо трудным, так как эта область всегда являлась и является, по условиям классовой борьбы, постоянным и хорошо изученным объектом марксистского исследования. Поэтому грубая подделка здесь быстро обнаруживается.

Гораздо легче было применить вредительские приемы в области права, несравненно менее разработанной, чем область экономики. Правда, рубинщина в области экономики пагядно показала, что и тут возможно вредительство в широком масштабе, но все же лишь в том случае, если оно проводится с величайшей тщательностью, в чрезвычайно замаскированной форме. Но все же в области экономики невозможны такие грубые, аляповатые фальшивки, как в области права.

Такое положение на данном участке фронта было широко использовано нашими врагами после Октября. Однако, они не сразу прибегли к замаскированным методам борьбы. Эти методы менялись в зависимости от обстановки. Когда врагам казалось, что советская власть „на ладан дышит“, в особенности в первые годы революции, они могли позволить себе роскошь открыто, без лицемерия, без особых фиговых листков, выступать против советской власти.

Достаточно, в качестве примера, указать на книгу проф. Я. М. Магазинера „Общее учение о государстве“, составляющую курс лекций, читанных им в Ленинградском госуниверситете в 1918—1922 гг. В этой книге открыто проводится антисоветская пропаганда, которая до того времени столь же открыто проводилась им с университетской кафедры в течение четырех лет после Октябрьской революции. Книга переиздана в 1922 году, — следовательно, первое издание также выполнило свою контрреволюционную миссию.

Проф. Я. М. Магазинер не был тогда одинок. Он — один из многих, так что его выступления являются типичными по тем временам. Ссылаясь без обиняков на невозможность говорить полным голосом, проф. Я. М. Магазинер апеллирует к читателям. Так, в предисловии к 2-му изданию (помечено августом 1922 г.) автор указывает, что он „воздерживался от глубокого искушения учесть те ценные уроки, которые даны нам обоими мировыми сдвигами (европейская война и русская революция), во первых, потому, что они теперь могут быть освещены только с определенно-политической точки зрения, неоправдываемой в учебнике; во вторых, потому, что ни война, ни революция еще не закончены, и всякие выводы, построенные на опыте последних нескольких лет, если они противоречат политическому опыту последних нескольких столетий, были бы преждевременны и не продуманы до конца“.

В самом деле, какое может быть сравнение по возрастному признаку между „опытом“ революции за несколько лет, с одной стороны, и „опытом“ „последних нескольких столетий“ — с другой. Автор идет дальше и просто игнорирует Октябрьскую революцию, относя ее к разряду завершенных неудавшихся „опытов“. Проводя в конце первой главы (стр. 21) параллель между февральской

и Октябрьской революциями, проф. Я. М. Магазинер отмечает, что в „февральской революции 1917 г. речь шла о том, чтобы политику привести в соответствие с экономикой, а в Октябрьской революции 1917 г. задача была в том, чтобы экономикой привести в соответствие с политикой, т. е. через политическую власть прийти к экономическому господству. В исторической непосильности этой задачи и лежит причина ее неосуществленности“.

Что же касается утверждения проф. Я. М. Магазинера о возможности освещения теории государственного права „теперь“, „только с определенно-политической точки зрения, не оправдываемой в учебнике“, то на проверку оказалось, что проф. Я. М. Магазинер опроверг свое утверждение: он охотно сделал исключение для исповедуемой им „определенно-политической“ точки зрения. Кадетский профессор, в сущности, нисколько не стеснялся „в родном отечестве“ и излагал в своих лекциях абсолютно все, что ему заблагорассудилось. Все же он пользуется случаем, чтобы пожаловаться на стеснения, указывая в предисловии, что, „в силу политики печати, пришлось ограничиться только юридическим описанием государственного устройства РСФСР, не касаясь оценки его ни с правовой, ни с политической точек зрения“.

Проф. Я. М. Магазинер мог сказать: „Feci quod potui; faciunt meliora potentes“ („Я сделал все, что мог; пусть другие сделают лучше“). В своем пропагандистском увлечении он зарекомендовался (стр. 5) в доказательствах преимуществ общегосударственных интересов перед классовыми. „Эти интересы — говорит проф. Я. М. Магазинер — различны по напряжению, ибо один убежден, что пролетарии „не имеют отечества“ или ubi bene, ubi patria — где хорошо, там и отечество (Цицерон), а для другого — нет места на земле вне данного общения, напр., Сократ или Дантон, которые предпочли принять смерть от своего отечества, чем бежать из тюрьмы за его пределы: „Нельзя унести отечество на подошвах своих башмаков“ (Дантон). По счастливому образу Ад. Мицкевича, „отечество, как здоровье, только тогда истинно ценится, когда оно потеряно“.

Можно себе представить что получилось бы, еслиб революционеры прониклись „счастливым образом“ Ад. Мицкевича и беспрекословно отдавались в руки своих классовых врагов.

По крайней мере, наиболее активные политические друзья проф. Магазинера не послушались его и до сих пор предпочитают заниматься за границей травлей Советского союза.

Пример с проф. Я. М. Магазинером является яркой иллюстрацией того, что, по крайней мере, до 1922 года многие кафедры в вузах служили орудием антисоветской пропаганды. Недаром еще в 1919 г. последовал декрет о закрытии юридических факультетов, так как они были местом мобилизации враждебных сил.

Разумеется, такое мероприятие советской власти не могло понравиться политическим друзьям проф. Магазинера. Замечательно, что не кто иной, как один из видных кадетов, кандидат в Учредительное

собрание по кадетскому списку от Ярославской губернии, б. ректор Ярославского Демидовского лицея, проф. В. Н. Ширяев выступил тогда в печати с критической статьей против закрытия юридических факультетов („Вопросы правотворчества в Советской России“, по материалам Нар. комиссариата юстиции), заранее оговорившись, что для него самого, в сущности, нет сомнения в отрицательном характере этой меры. Проф. Ширяев пишет: „Я не буду в дальнейшем ни отстаивать самоценности юридического образования, как самостоятельной отрасли обществоведения, ни защищать непоколебимость существующей системы; для меня первое постольку же очевидно, поскольку ясна необходимость второго“. Поэтому проф. Ширяев пытается применить иной метод и ссылками на выступления т.т. Стучки, Курского, Козловского и др. старается доказать неосновательность этой меры даже с точки зрения своих противников. Нельзя отказать в остроумии такого приема, при помощи которого проф. Ширяев приходит к следующему произвольному выводу: „Если идея народного правотворчества путем судебных решений оказывается недостижимой мечтой (?), если попытка создания новой судебной организации возвращает к началам, выработанным долгим судебным опытом прошлого (?), если без специально подготовленного юриста нельзя провести ни одного судебного процесса (!), а впереди предстоит упорная и затяжная борьба с проявлениями преступности, то следует ли при таких условиях подвергать „лишению огня и воды“ юриспруденцию и юристов, хотя бы прошедших старую школу „буржуазного строя“, следует ли при таких условиях говорить об упразднении юридического образования?“.

Выступление проф. Ширяева является весьма характерным и показательным. Возобновление деятельности правовых отделений последовало значительно позже, при ином соотношении классовых сил в стране, когда выступления Магазиновых и их политических друзей сделались не типичными, а только эпизодическими в стенах наших вузов.

II.

Более или менее открытые выступления продолжались и после 1922 г.

1922 год явился переломным в методах борьбы против СССР. Провал открытой интервенции против Советского союза и удачное маневрирование советской власти при введении нэпа вынуждает врагов изменить тактику. В неприкрашенно-откровенном виде позволяют себе говорить наши враги только за рубежом. С одной стороны, они демонстрируют свое непримиримо-отрицательное отношение к нашему строю и к нашему праву на съезде „русских юристов за границей“ (Берлин, 1—4 октября 1922 г.), а с другой—призывают к изучению советского права, поскольку они вынуждены „подождать“ свержения советской власти, признавая, что оно становится вопросом более отдаленного будущего. Однако, новая тактика несколько не меняла дела и не вносила ни малейших изменений в самое отношение к со-

ветскому праву. Даже наоборот,—она требовала со стороны единомышленников в Советском союзе большей бдительности, в виду введения нэпа.

Сущность создавшегося положения к началу 1924 г. четко формулирована в пражском сборнике белогвардейских профессоров под заглавием „Право советской России“. В предисловии к этому сборнику от 1 февраля 1924 г., за подписью профессоров „русского юридического факультета“ в Праге Н. Н. Алексеева, С. В. Завадовского, А. В. Маклецова и Н. С. Тимашева, устанавливается как неизбежное положение полная неприемлемость советского права для белогвардейского лагеря, но одновременно делается призыв к изучению советского права.

„... Оно необходимо—говорится в предисловии—прежде всего, чтобы иметь возможность не только в общей форме отрицать его, но и опровергать столь часто встречающиеся за пределами России ошибочные представления о нем, в особенности в настоящее время, когда, в связи с провозглашением лозунга „революционной законности“ и изданием внешне упорядоченных кодексов, создается видимость глубокого перелома в правовом состоянии страны в сторону улучшения. С другой стороны, с советским правом, как создавшим в результате относительно длительного существования многочисленные субъективные права (напр., в области земельных отношений, в сфере семейного права и т. д.), придется считаться при всяких изменениях и формах политического бытия России“.

Неустанная критика советского права, с одной стороны, и практическая необходимость считаться с этим ненавистным правом в случае свержения советской власти при ликвидации отношений, возникших при советской власти, с другой—вот что вдохновляет белогвардейцев изучать своего противника. Предстоит длительная осада, и хвастовство в роде „шапками закидаем“, пожалуй, может оказаться неуместным.

Авторы предисловия считают необходимым провозгласить, что

„призыв к знанию советского права, который заключается в факте выпуска в свет настоящего сборника, не означает призыва к его признанию... Советское право в его принципиальных основаниях не является той основой, на которой может и должен строиться здоровый созидательный процесс правового возрождения России. Но самое отрицание советского права, по нашему убеждению, действительную свою силу и внутреннюю убедительность должно основывать на точном и объективном знании его“.

С этой точки зрения авторы предисловия совершенно последовательно, указывая, что только „намеченный для сборника объем не позволял нам с самого начала ставить своей задачей составление энциклопедии советского права“.